

Кьеркегор С.

Дневник обольстителя

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
К97

Кьеркегор С.
К97 Дневник обольстителя / Кьеркегор С. – М.: Книга по Требованию, 2016. – 218 с.

ISBN 978-5-519-49582-0

"Книга состоит из двух произведений.

«Афоризмы эстетика» составляют самую яркую главу первой части книги «Или – или». Здесь дается детальная и страстная критика эстетического взгляда на жизнь и образа жизни эстетика.

«Дневник обольстителя» является составной частью его центрального философского труда «Или – или» (1843). В этом произведении исследуются гендерный аспект, психология и этика социальных ролей. Кьеркегор моделирует ситуацию любви,

в которой «Другой» – лишь объект манипуляции."

ISBN 978-5-519-49582-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016
© Кьеркегор С., 2016

С. Кьеркегор

Дневник обольстителя

Афоризмы эстетика

Москва
2016

УДК 82-84
ББК 87.8я48
К11

С. Кьеркегор

К11 **Дневник обольстителя. Афоризмы эстетика / Серён Кьеркегор, пер. П.П. Ганзен: — М.: Книга по Требованию, 2016. — 218 с.**

ISBN 978-5-519-49582-0

«Афоризмы эстетика» составляют самую яркую главу первой части книги «Или – или». Здесь дается детальная и страстная критика эстетического взгляда на жизнь и образа жизни эстетика.

«Дневник обольстителя» является составной частью его центрального философского труда «Или–или» (1843). В этом произведении исследуются гендерный аспект, психология и этика социальных ролей. Кьеркегор моделирует ситуацию любви, в которой «Другой» – лишь объект манипуляции.

УДК 82-84
ББК 87.8я48

ISBN 978-5-519-49582-0

© Книга по Требованию, оформление, 2016

Афоризмы эстетика

*Grandeur, savoir, renommée,
Amitié, plaisir et bien
Tout n'est que vent, que fumée
Pour mieux dire tout n'est rien.*¹

Что такое поэт? – Несчастный, переживающий тяжкие душевные муки; вопли и стоны превращаются на его устах в дивную музыку. Его участь можно сравнить с участью людей, которых сжигали заживо на медленном огне в медном быке Фалариса: жертвы не могли потрясти слуха тирана своими воплями, звучащими для него сладкой музыкой.

И люди толпятся вокруг поэта, повторяя: «Пой, пой еще!», иначе говоря – пусть душа твоя терзается муками, лишь бы вопль, исходящий из твоих уст, по-прежнему волновал и улаждал нас своей дивной гармонией.

Требование толпы поддерживают и критики: это верно, так и должно быть по законам эстетики! Критик, впрочем, – тот же поэт, только в сердце его нет таких страданий, а на устах – музыки. Оттого, по-моему, лучше быть пастухом, понятым своим стадом, чем поэтом, ложно понятым людьми!

* * *

Я предпочитаю разговаривать с детьми – есть, по крайней мере, надежда, что из них выйдут разумные существа, – тогда как те, которые считают себя таковыми? увы!

* * *

Какие люди странные! Никогда не пользуясь присвоенной им свободой в одной области, они во что бы

то ни стало требуют ее в другой: им дана свобода мысли, так нет, подавай им свободу слова!

* * *

Ничего не хочется... Ехать не хочется – слишком сильное движение; пешком идти не хочется – устанешь; лечь? – придется валяться попусту или снова вставать, а ни того, ни другого не хочется... Словом, ничего не хочется.

* * *

Есть насекомые, умирающие вслед за оплодотворением. Так и наши радости: момент самого полного наслаждения – и их уже нет!

* * *

Полезный совет писателям: следует набрасывать свои размышления как придется и прямо отдавать в печать; при чтении же корректуры могут появиться и хорошие мысли. Итак, те, у кого до сих пор не хватало храбрости выступить в печати, – смелее! Не следует пренебрегать и опечатками; блеснуть остроумием, – хотя бы только и благодаря опечаткам, – по меньшей мере, законное право писателя!..

* * *

Главное несовершенство человеческой природы состоит в том, что цели наших желаний – всегда в противоположном. Можно привести такую массу примеров, что и психологу будет над чем поломать себе голову. Так, ипохондрик особенно чуток к юмору, сластолюбец охотно говорит об идиллии, развратник о морали, скептик о религии. Да и святость постигается не иначе, как в грехе.

* * *

Кроме многочисленных знакомых, у меня есть один друг – грусть. Среди шумного веселья и в часы усердной работы он вдруг отзывает меня, увлекает в свое уединение, и я иду за ним, хотя, в сущности, и не двигаюсь с места. Никогда сердце мое не имело более верного друга – мудрено ли, что я принадлежу ему всем сердцем!

* * *

Какую бесконечную грусть испытываешь при виде человека, совершенно одинокого на свете! На днях я видел такую бедную девушку, – она шла на конфирмацию одна-одинешенька!

* * *

Есть болтливое резонерство, которое по своей нескончаемости и в смысле значения для истории сходно со списком необозримых египетских родословных.

* * *

Старость, как известно, осуществляет мечты юности; пример – Свифт: в молодости он построил дом для умалишенных, а на старости лет и сам поселился в нем.

* * *

Можно просто испугаться того, с каким мрачным глубокомыслием открывали в старину англичане двусмысленность в основе смеха. Вот что говорит, например, д-р Гартли: «Смех при появлении у детей есть начинающийся плач, вызванный болью, или сразу подавленное и повторяющееся через короткие промежутки выражение чувства боли»... Что, если все на свете

было бы лишь одним недоразумением, если бы смех был, в сущности, плачем!

* * *

Корнелий Непот рассказывает, как один начальник большого кавалерийского отряда, запертый неприятелем в крепости, приказывал ежедневно бить лошадей кнутом, чтобы они не захворали от продолжительной стоянки и бездействия...

Я тоже теперь живу как осажденный и, чтобы не пострадать от продолжительного бездействия, плачу, плачу, пока не устану.

* * *

Сдается мне, я представляю собой нечто в роде шахматной фигуры, о которой противник говорит: заперта!

* * *

*Алладин*² производит на нас такое освежающее впечатление именно потому, что мы видим в этой пьесе детски гениальную смелость самых причудливых желаний. А многие ли в наше время дерзают действительно пожелать, потребовать что-либо, обращаясь к природе: или, как благовоспитанное дитя, с просьбой «пожалуйста», или с бешенством отчаяния? В наше время много толкуют о том? что человек создан по образу и подобию Божию, но много ли найдется людей, которые, сознавая это, принимают по отношению к жизни тон повелителя? Не похожи ли мы все на Нурредина, низко кланяющегося духу, опасаясь потребовать слишком много или слишком мало? Не низводим ли мы каждое великое требование наше к болезненному созерцанию собственного я? Вместо того, чтобы предъявлять тре-

бования жизни, мы предъявляем их себе... к этому нас, впрочем, готовят и дрессируют!

* * *

Громадная неувядаемая мощь древней народной поэзии в том и состоит, что в ней есть сила желаний. Желания же нашего времени только греховны и пошлы, — у нас все сводится к желанию поживиться за счет ближнего. Народная поэзия превосходно сознает, что у ближнего нет того, чего она жаждет, и поэтому, если иной раз и предъявляет какое-нибудь грешное желание, то оно до того величественно, до того вопиет к небу, что заставляет содрогнуться. Эта поэзия не торгуется в своих требованиях с холодными соображениями трезвого рассудка. До сих пор, например, Дон Жуан проходит перед нами на сцене со своими «1003 любовницами», — и никто не осмелится улыбнуться, — уже из одного уважения к преданию. А вздумай поэт создать что-либо подобное в наше время, его, наверное, осмеют.

* * *

Предание говорит, что Пармениск потерял способность смеяться в трофонийской пещере, но снова приобрел ее на острове Делос, увидав уродливый обрубок, считавшийся изображением богини Лето. Нечто в роде этого было и со мной.

В ранней юности я было разучился смеяться в трофонийской пещере; возмужав, я взглянул на жизнь открытыми глазами, засмеялся и с тех пор не перестаю... Я понял, что значение жизни сводится к «теплому местечку»; что цель жизни — чин статского или иного советника; истинный смысл и желание любви — женитьба на богатой; блаженство дружбы — денежная поддержка; истина — лишь то, что признается

большинством, восторженность – способность произнести спич; храбрость – риск подвергнуться десятирублевому штрафу; сердечность – послеобеденное пожелание «на здоровье»; набожность – ежегодное говение... Я взглянул на жизнь и засмеялся.

* * *

Чем я связан? Из чего была цепь, которою сковали волка Фенриса? Из шума копящих шагов, из бород женщин, из корней гор, из дыхания рыб, из слюны птиц. И я скован цепью из мрачных фантазий, тревожных грез, беспокойных дум, жутких предчувствий и безотчетных страхов. Цепь эта «упруга, легка как шелк, растяжима до бесконечности, и ее нельзя разорвать».

* * *

Я, может быть, и постигну истину, но до познания блаженства душевного мне еще далеко. Что же мне делать? Скажут: «займись делом». Каким? Чем мне заняться? Разве оповещать человечество о своей грусти, стараясь представить новые доказательства печального ничтожества человеческой жизни? Или открывать какие-нибудь новые, еще не известные доселе, темные стороны жизни? Этим я мог бы, пожалуй, стяжать себе редкую награду: прославиться, наподобие астронома, открывшего новые пятна на Юпитере. Предпочитаю, однако, молчать.

* * *

Удивительная вещь: во всех возрастах жизни человек занят одним и тем же, трудится над разрешением одной и той же проблемы и не только не двигается с места, а скорее даже идет назад. Еще пятнадцатилетним мальчиком я преважно написал школьное сочинение на тему «Доказательства бытия Бога, бессмертия души,

необходимости веры и действительности чуда». На выпускном экзамене мне опять пришлось писать о бессмертии души, и мое сочинение удостоилось особого одобрения; несколько позже я получил даже премию за другое сочинение на ту же тему. Кто поверит, что после такого многообещающего начала я к двадцати пяти годам от роду дошел до того, что не мог привести ни одного доказательства в пользу бессмертия души! Особенно памятно мне, что одно из моих сочинений на упомянутую тему было прочитано учителем вслух и расхвалено как за мысли, так и за слог... Увы! Сочинение это я давно куда-то забросил! Какая жалость! Может быть, оно рассеяло бы теперь мои сомнения. Вот мой совет родителям, начальникам и учителям: следует внушить детям хранить все написанные ими в пятнадцатилетнем возрасте сочинения на родном языке. Дать такой совет – единственное, что я могу сделать для блага человечества.

* * *

Как человеческая натура всегда верна себе! С какой природной гениальностью дает нам иногда маленький ребенок живую картину сложных житейских отношений. Так забавно было сегодня смотреть на маленького Людвига. Он сидел на своем высоком креслице и предовольно посматривал вокруг. По комнате прошла его няня Мария. «Мария!» – кричит он. «Что, Людвиг?» – ласково отвечает она и подходит к нему, а он, слегка наклонивши головку набок и глядя на нее своими большими лукавыми глазенками, прехладнокровно заявляет: «Не ту Марию, другую!»... А мы как поступаем? – Взываем ко всему человечеству, а когда люди приветливо идут нам навстречу, мы восклицаем: «Не ту Марию!»...

* * *

Моя жизнь – вечная ночь... Умирая, я мог бы воскликнуть, как Ахиллес:

*Du bist vollbracht,
Nachtwache meines Daseins!*³

* * *

Моя жизнь совершенно бессмысленна. Когда я перебираю в памяти различные ее эпохи, мне невольно хочется сравнить ее с немецким словом «*Schnur*», обозначающим, как известно, во-первых – шнурок, во-вторых – эпоху. Недоставало только, чтобы оно обозначало еще: в-третьих – верблюда, а в-четвертых – швабру.

* * *

Право, я похож на Люнебургскую свинью. Мышление – моя страсть. Я отлично умею искать трюфели для других, сам не получая от того ни малейшего удовольствия. Я подымаю носом вопросы и проблемы, но все, что я могу сделать с ними – это перебросить их через голову.

* * *

Как, однако, скука... ужасно скучна! Более верного или сильного определения я не знаю: равное выражается лишь равным. Если бы нашлось выражение более сильное, оно бы нарушило эту всеподавляющую косность. Я лежу пластом, ничего не делаю. Куда ни погляжу – везде пустота: живу в пустоте, дышу пустотой. И даже боли не ощущаю. Прометею хоть коршун печень клевал, на Локки хоть яд беспрерывно капал, – все же было хоть какое-нибудь разнообразие, хоть и однообразное. Для меня же и страдание потеряло свою сла-